

Правда Православія.

Второй годъ изданія.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Журналъ «Правда Православія» идетъ на встрѣчу этой потребности. Переходя въ Синодальную Типографію, печатаетъ съ 10—11 №-ра русскій и славянскій тексты Каноновъ. Приплачивая къ годовой платѣ одинъ рубль, подписчикъ получаетъ «Правду Православія» вмѣсто одного экземпляра въ трехъ; приплачивая еще рубль, получаетъ «Правду Православія» въ пяти экземплярахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Благодѣянія, принесенныя роду человѣческому воскресеніемъ Христовымъ.—Цѣль Единовѣрія по сознанию представителей Русской Церкви второй половины XVIII в. Свящ. С. Шлеевъ.—Сердце Любы. Василий Медвѣцкій.—«Безъ кормчаго». Діак. Іоаннъ Бороздинъ.—Извѣстія и замѣтки.

Боготѣлесное погребеніе Господа нашего Іс. Христа. Канонъ на этотъ день.

Благодѣянія, принесенныя роду человѣческому воскресеніемъ Христовымъ.

(Поученіе Іоанна Златоустаго на Пасхальной утрени).

«Кто благочестивъ, благовѣренъ и боголюбивъ,—да насладится нынѣ этимъ святымъ и свѣтлымъ торжествомъ! Кто рабъ благоразумный,—да увидеть съ радостью въ радость Господа своего!

Кто потрудился постомъ,—да приметъ сегодня сребренникъ!

Кто работалъ съ перваго часа,—пусть получитъ должную плату!

Кто пришелъ послѣ третьяго часа,—благодари и веселись!

Годовая цѣна ПЯТЬ руб., на полгода ТРИ руб., на 2 мѣсяца 1 руб.

Въ журналѣ добрая часть мѣста будетъ отводиться объясненію старообрядческаго Богослуженія, обрядовъ, обычаевъ Церкви. Въ предсоборномъ присутствіи (въ 6-й комиссіи) разсматривался вопросъ о томъ, какъ сдѣлать наше славянское Богослуженіе понятнымъ для богомольцевъ. Вырѣшили его въ томъ смыслѣ, чтобы снабжать прихожанъ руководствами, по коимъ они приготовлялись бы хотя наканунѣ къ слушанію церковной службы. Въ католическихъ церквахъ всѣ вѣрующіе приходятъ съ книжками, по коимъ слѣдятъ за Богослуженіемъ въ самомъ храмѣ. У православныхъ это не принято. Имъ остается готовиться къ осмысленному участию въ Богослуженіи,—прочитывать послѣдованіе службы, особенно такихъ трудныхъ пѣнопѣній, какъ канонъ,—по домамъ.

Кто успѣлъ придти послѣ шестого часа,—пусть не сомнѣвается, ибо никѣмъ не изгоняется!

Если бы кто замедлилъ и до девятого часа,—пусть приступитъ безъ опасенія!

Если бы иной успѣлъ придти только въ одиннадцатый часъ,—то и такой да не страшится своего замедленія, ибо человеколюбивъ Владыка: принимаетъ и послѣдняго, какъ перваго; успокоиваетъ пришедшаго въ одиннадцатый часъ такъ же, какъ трудившагося съ перваго часа. Онъ и о первомъ печется, и послѣдняго милуетъ; и тому даетъ, и этому даруетъ; дѣйствию воздастъ всю должную честь, но и доброе расположеніе хвалитъ и «спѣхъ замедлившаго любить».

Итакъ всѣ—всѣ войдите въ радость Господа нашего! Первые и вторые и послѣдніе, получите награду! Богатые и бѣдные, ликуйте другъ съ другомъ! Трудившіеся и нерадивые, почитите настоящій день. Постившіеся и непостившіеся, возвеселитесь нынѣ! Церковная трапеза обильна; всѣ насыщайтесь! Телецъ великъ и упитанъ; никто не уходи голоднымъ! Всѣ насладитесь церковнымъ пиршествомъ! Всѣ воспользуйтесь богатствомъ благодати! Никто не жалуйся на бѣдность, ибо для всѣхъ настало царство! Никто не отчаявайся, не плачь о грѣхахъ своихъ, ибо изъ гроба всѣмъ возсіяло прощеніе! Никто не страшись смерти, ибо отъ ней освободила всѣхъ насъ смерть Спасителя!

Объятый смертию, Онъ истребилъ смерть; сошедшій въ преисподняя, Онъ расхитилъ адъ и огорчилъ того, кто коснулся Его плоти. Предвидѣвъ это, Исаія воскликнулъ: «адъ огорчися, срѣтивъ Тя долѣ». Огорчился онъ, ибо былъ сокрушенъ. Взялъ плоть, а нашель въ ней Бога! Взялъ землю, а нашель на ней небо! Взялъ то, что видѣлъ; а подвергся тому, чего не ожидалъ!

Смерть! гдѣ твое жало?

Адъ! гдѣ твоя побѣда? Христось возсталъ, и ты низложилъ!

Христось возсталъ, и пали демоны!

Христось воскресъ, и радуются ангелы!

Христось воскресъ, и водворяется жизнь!

Христось воскресъ, и пѣтъ ни одного въ гробѣ! Ибо Христось, воскресшій изъ мертвыхъ, «начатокъ умершимъ бысть». Ему—слава и держава во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Цѣль Единовѣрія по сознанію представителей Русской Церкви второй половины XVIII вѣка *).

Изложенное до сихъ поръ пониманіе Условнаго Соединенства старообрядцевъ съ церковью, посившееся тогда въ головахъ предста-

*) См. «Пр. Пр.» № 12—13-й.

вителей Православія, у нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе или менѣе развитое даже въ особыхъ сочиненіяхъ, не разъясняетъ, однако, тѣхъ ограниченій, какія были предъявляемы условному примиренству со стороны духовной власти. Не будемъ говорить объ отказѣ дать старообрядцамъ-соединенцамъ особыхъ епископовъ. О затрудненіяхъ духовной власти въ этомъ случаѣ было уже говорено. Приведенное не объясняетъ намъ и другаго ограниченія, предъявленнаго представителями Православія старообрядцамъ - соединенцамъ, именно ограниченія условій о допущеніи въ единовѣріе незаписныхъ раскольниковъ. Отказъ святѣйшаго синода на просьбу старообрядцевъ присоединять къ ихъ церкви незаписныхъ старообрядцевъ, по церковнымъ документамъ православныхъ, становится понятенъ лишь при разсмотрѣніи тогдашнихъ мнѣній о значеніи и цѣли Условнаго Соединенства старообрядцевъ съ Церковью. Цѣль даваемаго старообрядцамъ-соединенцамъ снисхожденія, по мнѣнію представителей Православія этого періода, двоякая: ближайшая — приведеніе отверженныхъ отъ церкви къ единству ея, хотя бы и при соблюденіи ими старыхъ обрядовъ, а дальнѣйшая — объединеніе старообрядцевъ-соединенцевъ съ православными и въ обрядѣ. Отсюда, поэтому, неумѣстность присоединенія къ Единовѣрью по церковнымъ документамъ православныхъ. Единовѣрцы сами должны будутъ слиться съ православными, а не православные (нѣкоторые) съ ними. Первая цѣль Единовѣрія проводится православными во все время существованія Единовѣрія, такъ какъ въ ней заключается, главнымъ образомъ, самое значеніе Единовѣрія. Что касается второй, то и она была въ сознаніи православныхъ и проводилась ими въ жизнь въ разсматриваемый періодъ исторіи Единовѣрія.

Когда, преосвященные—м. Димитрій и еп. Гедеонъ — члены синода разсуждали о цѣли условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью, они указывали только на сближеніе старообрядцевъ съ церковью съ оставленіемъ имъ прежнихъ обрядовъ. Значеніе условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью полагалось ими въ привлеченіи отдѣленцевъ къ церкви, не могущихъ оставить своихъ любимыхъ обрядовъ. Черезъ послѣднее условіе они думали скорѣе привлечь ихъ въ ограду Христовой Церкви. Они замѣчали, какъ тяжело старообрядцамъ прямо присоединиться къ церкви безъ соблюденія старыхъ обрядовъ. Въ этомъ убѣждали ихъ и прежнія крайнія крутыя мѣры, направленные къ обрядовому единообразію въ Русской церкви. Эти мѣры, въ концѣ концовъ, не помогли дѣлу. И такъ, преосвященные не желали уже непремѣннаго соблюденія новыхъ обрядовъ и старообрядцами. Они хотѣли лишь одного: единенія ихъ съ Церковью, хотя бы и при соблюденіи старыхъ обрядовъ. Для благой цѣли единенія въ догматахъ вѣры, въ таинствахъ, въ священноначаліи они готовы были пожертвовать тѣмъ единообра-

зіемъ въ обрядѣ, стремленіе къ коему они сами считали законнымъ. «Пусть, убо только старообрядцы, заключали свое разсужденіе о возможности Единовѣрія упомянутые Архипастыри, признають церковь столько пекущуюся, и къ немощнымъ снисходящую, пусть различествующихъ отъ нихъ обрядами братій своихъ не порочать и не хулять, когда сами не могутъ съ ними согласиться; пусть только они во всемъ хотя кромѣ обрядовъ будутъ съ православною нашею церковію единомысленны: то въ такомъ случаѣ и нѣтъ сомнѣнія, чтобы ихъ принять и присоединить къ православному нашему обществу»⁵⁵).

Здѣсь мы не видимъ, чтобы при условномъ единеніи старообрядцевъ съ церковію высказывалось желаніе и объ усвоеніи послѣдними исправленныхъ обрядовъ. Цѣль ограничивалась лишь актомъ объединенія держателей старины съ православными на почвѣ догматовъ, таинствъ и священноначалія. Не то замѣчается при разсмотрѣніи частнаго въ концѣ XVIII в. случая условнаго единенія старообрядцевъ съ православными. Разумѣемъ присоединеніе Арх. Никифоромъ Θεотоки Знаменскихъ старообрядцевъ въ 80-хъ годахъ означеннаго столѣтія. Въ первоначальныхъ взглядахъ на цѣль устроеннаго присоединенія у Архіепископа нѣтъ разницы съ выше приведенными разсужденіями на эту же тему упомянутыхъ Архипастырей. Но нельзя этого сказать про дальнѣйшія его воззрѣнія на тотъ же предметъ, явившіяся послѣ знакомства съ мнѣніями, какія были высказаны по поводу присоединенія названныхъ старообрядцевъ тогдашними членами синода, во главѣ коихъ находился преосвященный Гавріиль, м. Новгородскій. Въ нихъ кромѣ первой цѣли условнаго единенія старообрядцевъ съ церковію открыто выдвигается и вторая, завершившаяся указаннымъ нами ограниченіемъ и ясно выраженная впоследствии м. Платономъ во второмъ его дополнительномъ мнѣніи къ правиламъ Единовѣрія.

Первоначальный взглядъ Арх. Никифора на цѣль условнаго соединенія въ виду присоединенія Знаменскихъ старообрядцевъ, равно его дальнѣйшія воззрѣнія на этотъ предметъ, а также и мнѣнія по этому поводу тогдашнихъ членовъ Синода открываются изъ возникшей переписки по дѣлу Знаменскихъ старообрядцевъ. Распоряженія Херсонскаго Архіепископа по случаю присоединенія старообрядцевъ слободы—Знаменки въ синодѣ были встрѣчены съ недоумѣніемъ. Между первенствующимъ членомъ Синода и Архіепископомъ Никифоромъ возникаетъ обмѣнъ писемъ. Концемъ переписки является даже объясненіе Архіепископа въ Синодъ, отправленное имъ подъ извѣстнымъ уже намъ заглавіемъ: «Краткое повѣствованіе» и т. д.

Какъ въ письмахъ къ митрополиту Гавріилу, такъ въ «Краткомъ Повѣствованіи» Архіепископъ сначала защищаетъ свой прежній взглядъ на цѣль устроеннаго имъ соединенія, а потомъ считается съ мнѣніями по этому поводу членовъ Синода. Онъ готовъ, какъ низайшій послушникъ Синода, подчиниться его мнѣнію объ условномъ едине-

ни старообрядцевъ съ Церковью, хотя не считаетъ лишнимъ обосновать и свой собственный взглядъ на соединенство старообрядцевъ слободы Знаменки. Въ своемъ «Краткомъ Повѣствованіи» Арх. Никифоръ Θεотоки для защиты даннаго имъ снисхожденія Знаменскимъ старообрядцамъ дѣлаетъ подобно м. Димитрію и еп. Гедеону ссылки на исторію вселенской Церкви. Онъ упоминаетъ объ актахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, о твореніяхъ отцовъ и учителей Церкви и нигдѣ не встрѣчаетъ, чтобы кто-либо рассуждалъ объ обрядахъ и требовалъ непремѣннаго исполненія ихъ отъ тѣхъ, которые обращаются къ католической Церкви изъ ереси, или раскола. «Всѣ старанія и рвеніе, говоритъ преосвященный Θεотоки, прилагались только объ истинѣ вѣры, цѣлости догматовъ и святости жизни». Лишь только обращавшіеся принимали это, заключаетъ Архіепископъ, Церковь встрѣчала ихъ съ распростертыми объятіями, безъ всякаго рассужденія объ обрядахъ. Въ пользу устроеннаго имъ присоединенія Знаменскихъ старообрядцевъ безъ обязательства соблюдать новые обряды Арх. Никифоръ приводитъ примѣры не только изъ древней церкви. Онъ беретъ доказательство изъ XI—XIV вв. церковной исторіи, изъ періода сношенія Лютеранъ съ Греческой церковью въ XVI столѣтіи. «Западная Церковь, замѣчаетъ Архіепископъ, даже прежде отдѣленія своего отъ Восточной имѣла свои собственные обряды. Прежде раздѣленія каждая церковь сохраняла свои обряды и одна не только не порицала обрядовъ другой, но даже почитала ихъ: обѣ церкви сохраняли духовное единство, хотя имѣли различные обряды. И послѣ раздѣленія, заканчиваетъ преосвященный, всякій разъ какъ задумывали и старались о соединеніи, никогда не говорили объ обрядахъ ни православные, ни инославные»... Другой примѣръ данному имъ снисхожденію Знаменскимъ старообрядцамъ читать при Богослуженіи старыя книги владыка Θεотоки привелъ изъ XVI вѣка. «За два вѣка предъ симъ, говорилъ онъ, когда Лютеране стремились соединиться съ католическою Церковью, Св. Патріархъ Іеремія много писалъ имъ объ исхожденіи Святаго Духа, о таинствахъ, о почитаніи Святыхъ иконъ, о ходатайствѣ святыхъ и другомъ, а о томъ, чтобы они перемѣнили свои обряды и приняли наши—ничего. Оправдывая условное присоединеніе Знаменцевъ къ Церкви ссылками и на другіе примѣры въ церковной исторіи, между прочимъ, подобно м. Димитрію и еп. Гедеону, на примѣръ Ап. Павла, обрѣзавшаго ученика Тимоѳея послѣ Апостольскаго Собора, Арх. Никифоръ готовъ былъ до конца своей жизни смотрѣть подобно же своимъ упомянутымъ предшественникамъ и на цѣль допущеннаго имъ для старообрядцевъ нѣкотораго отличія церковно-богослужебной жизни, не требовать отъ нихъ и въ будущемъ перемѣны любимыхъ обрядовъ.

Но самыя стремленія Архіепископа какъ можно больше привести примѣровъ оставленія присоединявшимся въ разное время ихъ преж-

нихъ обрядовъ говорили уже за то, что изложенный его взглядъ на цѣль устроеннаго имъ присоединенія къ церкви Знаменскихъ старообрядцевъ не всѣмъ раздѣляются. Въ концѣ «объясненія» онъ и самъ готовъ отказаться отъ своего взгляда. Въ первой своей половинѣ «Краткое повѣствованіе» можетъ быть вполнѣ приписаннымъ м. Димитрію и еп. Гедеону. Но нельзя этого сказать про конецъ «Повѣствованія» Славянскаго Архіепископа. Здѣсь читатель встрѣчается съ другимъ совершенно мнѣніемъ про цѣль Условнаго Соединенства старообрядцевъ съ церковью. Узнавши изъ переписки съ м. Гавріиломъ, что многіе не желаютъ, дабы между присоединившимся и Православными было какое-либо различіе, Арх. Никифоръ направлялъ въ концѣ дѣло Знаменскихъ старообрядцевъ такъ уже, что оно могло удовлетворить и «этихъ многихъ». «И я принялъ Знаменцевъ, говоритъ про себя Архіепископъ въ концѣ объясненія, въ надеждѣ, что въ концѣ между ними и нами не будетъ никакого различія, ни въ чтеніи новыхъ книгъ, ни въ совершеніи какого нибудь, хотя бы самаго ничтожнаго, обряда. Мысль снисхожденія (οἰκονομίαν) я хвалю и привѣтствую. Но если высшія власти увѣдомятъ меня, что она имъ не угодна, я вполнѣ готовъ оставить ее». И онъ, дѣйствительно, старался оставить ее.

Вторая половина «Повѣствованія», какъ видится, уже не соответствуетъ первой. Здѣсь устроенное имъ соединенство Знаменцевъ съ церковью оправдывается не пріобрѣтеніемъ ихъ въ единство вѣры и таинствъ, а надеждой на усвоеніе ими въ скоромъ времени новоисправленныхъ обрядовъ. Во второй половинѣ своего объясненія, въ 8-мъ пунктѣ, Архіепископъ защищаетъ условное соединенство старообрядцевъ слободы Знаменки тѣмъ, что онъ «вѣрилъ въ Бога и надеялся, что благодать Его, которая теперь подается имъ (старообрядцамъ) чрезъ Святыя таинства, которыхъ они дотолѣ были лишены, просвѣтитъ ихъ употреблять и новыя книги». Надежда эта, по словамъ Архіепископа, не посрамила его: онъ и прежде замѣчалъ, что у нѣкоторыхъ появляется уже желаніе новыхъ книгъ.

Кромѣ первой цѣли Условнаго Соединенства, Херсонскій—тогда Славянскій—Архіепископъ, какъ видимъ, выдвигаетъ и вторую—окончательное объединеніе соединенцевъ съ православными не только въ ученіи вѣры, но и въ изображеніи ея—въ обрядахъ. Смыслъ устроеннаго имъ соединенства въ слободѣ Знаменкѣ онъ оправдываетъ не только тѣмъ положеніемъ, что прежніе «старообрядцы день отъ дня укрѣпляются въ вѣрѣ, но и также (главнымъ образомъ) тѣми доводами, что вновь присоединенные «знаменіе святаго креста изображаютъ, какъ и православные, тремя перстами»...

Перестановка понятій касательно цѣли условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью у Арх. Никифора Θεотоки, какъ мы сказали, произошла послѣ его знакомства съ мнѣніями членовъ Синода

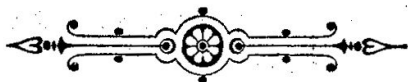
объ условномъ присоединеніи Знаменскихъ старообрядцевъ. Члены эти съ Новгородскимъ м. Гавріиломъ во главѣ, какъ видно изъ переписки послѣдняго съ Арх. Θεотоки не хотѣли останавливаться на первой указанной владыкой Никифоромъ цѣли устроеннаго имъ условнаго соединенства. Они не отмѣнили распоряженій Архіепископа по дѣлу присоединенія Знаменскихъ старообрядцевъ единственно въ надеждѣ на приведеніе ихъ въ скоромъ времени къ полному объединенію съ православными. «Твое постановленіе, писалъ м. Гавріиль къ арх. Никифору, хотѣли отмѣнить, но дабы не возбудить новыхъ волненій мы молчимъ, надѣясь, что ты постарайся привести ихъ къ болѣе здравымъ понятіямъ, такъ чтобы они вполне образумились и во всемъ были бы согласны съ православною церковью».

Такое непремѣнное желаніе большинства представителей православія того времени имѣть соединенцевъ-старообрядцевъ во всемъ сходными съ православными покоилось на уваженіи къ постановленіямъ Большаго Московскаго Собора 1667 года. Тотъ же первенствующій членъ Синода въ письмѣ къ преосвященному Никифору отъ 11 октября 1781 года пишетъ ⁵⁶): «Желалъ бы я, чтобы ты просмотрѣлъ «Дѣянія» собора, который учредили въ Москвѣ Греческіе патріархи, увидишь, что они запрещаютъ дѣлать раскольникамъ такого рода снисхожденіе, какое ты сдѣлалъ». Соборъ 1667 года, дѣйствительно, стремясь къ единообразію, заповѣдывалъ съ клятвою принимать новыя книги и содержащіяся въ нихъ церковные обычаи. Поэтому, сдѣланныя отступленія отъ этихъ постановленій собора церковной власти и не хотѣлось переводить въ постоянное явленіе церковной жизни. Въ мнѣніяхъ тогдашнихъ членовъ Синода церковное постановленіе, какого бы то ни было характера, было такъ велико, что сдѣланное отступленіе даже апостоломъ отъ одного изъ нихъ, представлялось имъ сдѣланнымъ по требованію всей Церкви. «Ты написалъ, продолжаетъ свое письмо м. Гавріиль къ Арх. Никифору, что подражалъ апостолу Павлу, обрѣзавшему Тимофея. Но Павелъ сдѣлалъ то, чего требовала вся Церковь». Хотя владыка Θεотоки со всею твердостью, на основаніи подлиннаго текста апостольскихъ «Дѣяній», опровергъ замѣчаніе м. Гавріила, что будто апостоль Павелъ обрѣзалъ Тимофея по требованію всей церкви, но фактъ такого толкованія Апостольскаго снисхожденія на лицо. Онъ свидѣтельствуетъ, что тогдашнее большинство представителей Православія тоже нуждалось въ оказаніи даннаго Арх. Никифоромъ «снисхожденія» общаго какого-либо церковнаго авторитетнаго постановленія. До изданія же его оно старается и случаи оказаннаго «снисхожденія» какимъ-либо образомъ прекратить. Въ данномъ мѣстѣ оно совѣтуетъ преосв. Никифору, какъ можно скорѣе привести присоединенныхъ старообрядцевъ къ болѣе здравымъ понятіямъ, къ полному объединенію съ православными не только въ таинствахъ, но и въ обрядѣ.

Къ единообразію въ церковной жизни стремилось, какъ мы видѣли, и свѣтское Правительство. Начиная со времени собора 1667 года до царствованія Екатерины II-й къ этому направлялось большинство всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои прилагались по отношенію къ расколу. Единообразіе это не опускалось изъ виду и въ началѣ царствованія Екатерины II-й. Екатерина Великая указомъ Св. Синоду отъ 3-го марта 1764 года, между прочимъ, повелѣла слѣдующее: «Что касается до тѣхъ, кои православной Церкви не чуждаются, и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только въ законѣныхъ и безразсудныхъ нѣкоторыхъ по суевѣрію остаются обычаяхъ, не различающихъ ни слова Божія, ниже догматовъ, ни правилъ церковныхъ: то они не токмо отъ входа Церкви таинствъ ея Св. Синодомъ не отлучаются, но и за раскольниковъ тѣмъ же Синодомъ не признаваемы, въ надѣяніи томъ, что они со временемъ по благоразумію и кроткому поученію священниковъ, то свое безразсудное упрямство оставлятъ и православную вѣру совершенно познавъ во всемъ Церкви святой повиноваться будутъ»⁵⁷⁾. На второй цѣли Условнаго Соединенства означенные Архипастыри, значить, могли настаивать изъ уваженія какъ къ прежнимъ постановленіямъ церкви, такъ и къ прежнимъ распоряженіямъ свѣтскаго Правительства, стремившагося къ единообразію церковной жизни не только въ предшествующія царствованія, но и въ началѣ царствованія Екатерины II-й.

По соображеніямъ ли только манифеста Екатерины II-й члены Синода хотѣли оправдать допущенное безъ ихъ вѣдома условное соединенство Знаменцевъ второй его цѣлью, или по другимъ какимъ причинамъ держались такія ихъ понятія о цѣли Условнаго Соединенства, только намъ и изъ дальнѣйшей исторіи пониманія Единовѣрія православными извѣстна болѣе эта вторая его цѣль. Во время Стародубскаго Согласія ея, на примѣръ, открыто высказываетъ арх. Амвросій (Серебрянниковъ), а во время учрежденія «согласія» въ Перми не считаетъ лишнимъ заявить о ней и самъ Св. Синодъ.

Свящ. С. Шлеевъ.

⁵⁵⁾ Брат. Слово 1883 годъ стр. 238.

⁵⁶⁾ Брат. сл. 1892 годъ т. I стр. 124—128.

⁵⁷⁾ Собр. пост. по ч. раск., 1860 г. кн. I, стр. 604—605.

Сердце Любы.

— Я пойду, ребятки, спрошу. Уже больно страшно. Пойду...

— Иди не иди—одна цѣна.

— Все-таки, братцы, легче какъ-то.

И высокій старикъ съ бородою до пояса вставъ съ котомки, на которой сидѣлъ, вздохнулъ и направился къ трапу. Крѣпко держась руками за перила, онъ медленно началъ взбираться на верхъ.

Быстро сбѣгавшій внизъ матросъ чуть не столкнулъ его.

— Братецъ, обратился къ нему старикъ. Скажи...

Но матроса уже не было.

Старикъ вошелъ на палубу. Вошелъ, ухватился рукой за первый попавшійся предметъ—это оказался канатъ—и сдѣлалъ движеніе при-сѣсть. Ему показалось, что небо быстро опускается внизъ. Онъ даже закрылъ глаза и глубоко вздохнулъ.

Тяжелыя мысли огненной искрой неслись въ головѣ, жгли и причиняли страданья. Вся жизнь, какъ одно мгновенье, ясно встала передъ его глазами.

— Господи!—и старикъ открылъ глаза.

Черное небо висѣло, казалось, надъ пароходомъ такъ низко, что свободно можно было достать рукою. Гулъ и свистъ носился вверху. Вѣтеръ съ страшною силою нападалъ на бившійся въ волнахъ пароходъ и было мгновенье, когда онъ ложился совершенно одной стороной на гигантскія волны.

Фигура капитана, блестящая отъ воды, казалась недвижимой. Нѣсколько матросовъ, особенно какъ-то лавируя руками и ногами, быстро двигались то къ носу, то бѣжали внизъ, то вповъ, подобно тѣнямъ, оказывались на палубѣ.

Рѣдко раздавался свистокъ капитана. Его подхватывали помощники, за ними боцманъ.

Рулевой невысокаго роста, широкоплечій, въ резиновомъ плащѣ, крѣпко держалъ обѣими руками колесо руля. Видно было, что для удержанія колеса требовалась огромная сила.

А пароходъ бросало изъ стороны въ сторону такъ свободно, легко, точно онъ былъ сдѣланъ не изъ желѣза или стали, а изъ легкаго картона.

То онъ поднимался на водяную гору, но быстро, граціозно, какъ бы шутя, то вдругъ стремился въ бездну, заливаемый водой... Невольно замирало сердце. Гдѣ спасеніе?

Кругомъ бушующее море, сверху висящее небо,—черное, страшное, разбрасывающее свои тучи и точно рѣшившее придавить сопротивляющійся и борющійся пароходъ... Вѣтеръ то подхватывалъ гребень водяной горы и выливалъ ее на пароходъ, то гналъ по небу зловѣ-

щія тучи, то поднималъ своими могучими порывами пароходъ и отбрасывалъ его далеко въ безпроевѣтную черную ночь.

Старикъ стоялъ, держась руками за канатъ, мокрый, прозябшій и не смѣлъ итти къ капитану. Онъ видѣлъ, что если выпуститъ канатъ, то въ ту же минуту будетъ унесенъ одной изъ волнъ, какъ были унесены всѣ предметы, стоявшіе на палубѣ. Осталось только то, что было привинчено или привязано.

— Пойду,—рѣшилъ старикъ и быстро началъ спускаться по лѣстницѣ внизъ.

Въ общей каютѣ, въ трюмѣ, сидѣли и лежали по прежнему мужчины, женщины, дѣти.

Лица у всѣхъ были страдальческія, блѣдныя, дѣти плакали, и стоны, ворчанье, сѣтованье—носились по каютѣ.

Всѣ взглянули на вошедшаго старика.

— Дѣдушка, что?—и молодая дѣвушка, лѣтъ пятнадцати, въ свѣтлой кофточкѣ и такомъ же платочкѣ на головѣ, ласково посмотрѣла на старика и поднялась ему на встрѣчу. Качка не дала ей итти ровно—она покачивалась и хваталась за все, что было на пути.

Подойдя къ старику, дѣвушка ужаснулась выраженія его лица. Оно было блѣдно, губы сжаты, глаза почти остановившіеся.

— Что съ тобой, дѣдушка?—вырвалось крикомъ изъ груди дѣвушки.

Онъ молча на нее взглянулъ, посмотрѣлъ на ярко горѣвшую электрическую лампочку и тихо двинулся къ своему мѣсту.

Старикъ сѣлъ на котомку и опустилъ голову. Вода стекала съ намокшаго платя на полъ.

— Дѣдушка, вновь обратилась къ нему дѣвушка, сними съ себя... дай я раздѣну тебя... пересядь сюда... такъ, такъ, дѣдушка... и она начала стаскивать съ него мокрое платье.

А сверху неслось какое-то гуденье, стоны, продолжительные свистки... что то съ шумомъ покатилося по лѣстницѣ... Голоса...

Вдругъ цѣлая рѣка воды хлынула въ открывшійся люкъ. Паника въ трюмѣ... Мечутся, молятъ, крикъ—сплошной крикъ—заглушилъ, на секунду, шумъ воды.

— Тонемъ, спасайтесь...

Кто первый крикнулъ эту фразу, неизвѣстно.

Молодая дѣвушка быстро встала и голосомъ, насколько позволяли легкія, обратилась къ потерявшей разумъ толпѣ:

— Стойте, стойте! Мы не тонемъ, нѣтъ. Не тонемъ!..

На мгновенье люди остановились и замерли въ тѣхъ позахъ, какія приняла до произнесенія фразы! «не тонемъ».

А тутъ уже стоялъ въ дверяхъ молодой помощникъ капитана. Мокрый, безъ фуражки, съ растрепавшимися волосами на головѣ, онъ смотрѣлъ своими сѣрыми глазами.

— Что вы?—высокой нотой раздался его голос.—Куда собрались? Все въ порядкѣ. Развѣ промокли немного, такъ это не бѣда—высохнете. Ха, ха,—и его смѣхъ пріятно отразился на слухъ каждаго.

Мало-по-мало все пришло въ сознаніе. Старикъ, ходившій на верхъ, теперь уже бодро развязывалъ свою котомку и вынималъ сухое платье. Кое-гдѣ спали. Дѣти, измученныя качкой, тоже кое-какъ забылись.

А пароходъ все кидало и кидало. И вдругъ кинуло съ огромной силой куда-то вверхъ, потомъ въ сторону и... все стихло. Ни движенія. Не слышно ни одного звука. Одна только минута. Вдругъ рѣзкій, молящій, плачущій свистокъ капитана. Еще, еще...

Всѣ, кто только не спалъ, бросились къ трапу. Лѣстница покрылась выбравшимися на палубу людьми.

Темнота совершенная. Матросы сбѣжались на носъ парохода, и голоса ихъ слились въ одномъ только словѣ: мель.

Дѣйствительно, пароходъ крѣпко врѣзался въ песчаный берегъ и остановился. Продолжавшаяся буря свирѣпствовала по-прежнему, волны заливали палубу, черное небо было непроницаемо,—но пароходъ былъ недвижимъ.

— На берегъ,—раздалась команда. Спустили шлюпку. Капитанъ, старшій помощникъ, шесть матросовъ быстро сѣли въ шлюпку и скрылись въ темнотѣ.

Долго ихъ не было.

Но вдругъ шлюпка подошла къ лѣвому борту парохода.

— Кто желаетъ на берегъ?—крикнулъ капитанъ. Мы стоимъ возлѣ села Монахова. Старообрядческое село большое.

— Есть желающіе?

— Есть, есть,—послышались голоса.

— Шлюпки спустить. Можетъ стоимъ здѣсь и сутки, господа, можете вѣхать.

Но сѣхало на берегъ человекъ пятьдесятъ. Сѣхалъ старикъ съ молодою дѣвушкою.

— Дѣдушка, спросила дѣвушка, куда поѣдемъ-то? Вѣдь праздникъ у всѣхъ, Христово Воскресеніе, а мы...

— Потому и ѣдемъ, Люба, что праздникъ. Слышала—старообрядцы живутъ, значить—наши.

— Почему ты знаешь?

— А по-твоему, Люба, не Промыслъ здѣсь Божій? Я такъ понимаю, что Самъ Христосъ пригналъ нашъ пароходъ къ этому берегу... Слава Ему.

— Что и сказать, дѣдушка, все Его воля.

Скоро они постучали въ домъ, гдѣ виднѣлся огонь лампы. Быстро вышелъ кто-то на крыльцо.

— Кто вы?—спросилъ грубый голосъ.

— Съ парохода, который стоитъ.

— Идите, идите въ избу,—не дослушавъ объясненія, пригласилъ голосъ.

Дѣдушка и Люба вошли въ сѣни, сложивъ свои котомки, постучали мокрыми сапогами и направились въ освѣщенную комнату.

Въ комнаткѣ сидѣло уже человекъ пять мужчинъ и двѣ женщины.

При свѣтѣ висѣвшей съ потолка лампы вошедшіе разсмотрѣли въ сидѣвшихъ сосѣдей по пароходу.

— Войдите, войдите, приглашалъ хозяинъ, мужчина лѣтъ 50, высокій брюнетъ.

— Сюда, сюда, садись, красавица, приглашалъ онъ Любу и указалъ на мѣсто рядомъ съ сидѣвшими уже женщинами.

На столѣ было уставлено нѣсколько булокъ, яйца, творогъ, колбасы, а подъ чистой салфеткой, на большомъ блюдѣ, жареный поросенокъ съ хрѣномъ въ открытомъ ртѣ.

— Милости прошу, братья, откушайте всего, что на столѣ... И не помолимся ли сначала?

Всѣ быстро встали, повернулись на висѣвшій въ углу образъ Спасителя, предъ которымъ теплилась лампадка бѣлаго стекла, перекрестились и начали молиться.

— «Эхъ, не нашей вѣры, мелькнуло въ головѣ хозяина. Не наши всѣ... Господи Христе и Боже, прости мнѣ»...

— Братья, произнесъ онъ громко, простите меня. Я сейчасъ чуть не согрѣшилъ предъ Спасителемъ... Но Онъ простилъ меня.

— Христось воскресе, братья и сестры. Онъ одинъ... Мы все равно Ему дороги. Всѣхъ насъ Онъ любитъ.

— Воистину воскресе,—хоромъ отвѣтили присутствующіе.

И видѣла Люба, или ей показалось, она не можетъ утверждать этого, что вдругъ открылась широко дверь въ комнату, вошелъ Мужъ въ свѣтлой и блестящей одеждѣ, поднялъ надъ сидѣвшими обѣ руки и медленно присѣлъ на свободное мѣсто у стола.

Люба широко открыла глаза—свѣтлый Мужъ продолжалъ сидѣть. Она хотѣла сказать всѣмъ присутствующимъ, поднялась со своего мѣста, открыла ротъ...

Глаза не видѣли больше никого.

Но Люба чувствовала, какъ радостно билось ея сердце, какъ весело было у нея на душѣ,—въ которой образъ свѣтлаго Мужа такъ ясно, ясно запечатлѣлся.

Василій Медвѣцкій.

«Безъ кормчаго».

*Видѣть несправедливость и молчать,
это значитъ самому участвовать въ ней.*

Вотъ уже прошло болѣе ста лѣтъ, какъ «единовѣрческія» церкви влачатъ свое жалкое существованіе. Когда заповѣлилось единовѣріе въ своей долго желанной «печати», то со всѣхъ концовъ родной земли полетѣли родные стоны наболѣвшей души, то робѣя, то неувѣренно впередъ выступая. Гдѣ теперь нѣтъ этихъ единовѣрческихъ храмовъ? Все прибываетъ, все увеличивается число ихъ вздоховъ, годъ отъ году вырастаютъ они печальные. Нѣтъ только, недостаетъ теперь единовѣрію «своего печальника», передъ которымъ бы можно было выплакать наболѣвшія нужды.

Жгучіе вопросы наболѣвшей души ждуть его съ нетерпѣніемъ. Его ждуть много всякихъ тайнъ,—разнаго рода дѣлъ,—не отложныхъ по существу, все накопившихся на этомъ вѣку.

Особенно главнымъ и наболѣвшимъ вопросомъ является «служба», совершенная единовѣрческими причтами разныхъ приходовъ, различныхъ мѣстностей.

Повидимому единовѣрцы одни и тѣ же, книги у нихъ одни, уставы также, а служба почему-то идетъ «неодинаково».

Кому же надлежитъ и надежнѣе было бы поручить и завѣдывать ея постановкой, вотъ, «того» то у насъ и не имѣется? Вотъ, почему у насъ и разность исполненія уставовъ, разность напѣвовъ церковныхъ и т. п., а отсюда и рядъ всякихъ «недоразумѣній». Есть, правда, исполнители,—но не вездѣ,—по уставу. А будь бы свой «кормчій» по сердцу, онъ безпристрастнѣе бы взглянулъ на наше единовѣріе и сердечнѣе поддержалъ бы его развѣтвленіе. Побольше бы «контроля» и дѣло уладилось бы скоро. А то вѣдь, правда, чего, чего только не творится по разнымъ приходамъ. Часто найдешь пѣвцовъ, неумѣющихъ даже читать по книгамъ, а наипаче спѣть по «крюкамъ», какъ же отсюда не быть и «погласицамъ»? А когда псаломщиковъ опредѣляютъ епархіальные Владыки, то даже не имѣютъ у себя: почему его спросить—единовѣрческаго матеріалу. Секретарь дастъ книгу «Синодальнаго изданія», вотъ—и пой по ней. Да и другія единовѣрческія условности обходятся при «опредѣленіи». Какъ же не быть тутъ послѣ недоразумѣній. Да и настоятели по исполненію службы есть такіе, о которыхъ не мѣшаетъ сказать. А вѣдь они опредѣлены, поставлены для совершенія «истоваго» богослуженія.

Вотъ примѣръ изъ моей личной жизни по единовѣрію.

Въ 1903 году волею судьбы и рекомендаціи я случайно былъ вызванъ въ Нижній-Новгородъ къ церкви св. Симеона Столпника исправлять должность псаломщика. По испытаніи, прихожане попросили меня остаться у нихъ, на что я согласился. Священникъ того храма, уже давно служившій о. Дмитрій, привѣтилъ меня своимъ «фарисейскимъ словомъ», какъ оказалось потомъ. Началась моя жизнь—служба. Не прошло и двухъ недѣль, какъ я сталъ сомнѣ-

ваться: въ единовѣрческой ли церкви я служу; попыталъ было «заявить» священнику. Но увы! гласомъ вопіющаго въ пустыни было мое слово. Тогда я по-видался съ церковнымъ старостою, говорю ему: «такъ и такъ, служба у насъ идетъ не по правилу, есть упущенія». Староста поуспокоилъ и обѣщаль уладить дѣло, но тѣмъ и кончилъ, что только «помаскировалъ». Прихожанъ вовлекать въ сіе «положеніе» я счелъ пока неудобнымъ. Рѣшился пообождать.

Много пришлось перенести душевнаго безпокойства... Болѣе памятными и рѣзкими нарушеніями по службѣ Божіей были слѣдующіе случаи.

Приходимъ однажды ко всенощной (тамъ никогда не служатся утрени, а все съ вечера, всенощныя), по обыкновенію пришли и нанятые пѣвцы,—одинъ довольно «выпивши». Началась служба. Народу еще мало. Кое-какъ прочитали 1-й псаломъ: «Благослови, душе моя, Господа». Прогѣвъ «эктенію», нужно было начать—читать «Блаженъ мужъ», а пѣвецъ, что пришелъ «на веселѣ», началъ кричать: «Аще беззаконія назриши»... и т. д. Мой помощникъ загѣлъ продолженіе стиха. Я смутился—и въ алтарь къ батюшкѣ. Батюшка: «ладно, пойте далѣе, онъ выпивши». Возмущенный «сочувственнымъ отказомъ», я продолжалъ службу. Но какая это была служба!..

Да и вся она—въ какой угодно праздникъ—исполнялась на уставъ, какъ бы «поскорѣе». Каѳизмы читались двѣ вмѣсто трехъ, а иногда «подобные выше чтецы» вмѣсто 1-го листа перевертывали и два, и все это отлично «ступевывали». Батюшка до этого былъ радѣтель. Такъ служили «по праздникамъ», а въ будни что творилось,—пожалуй «грѣхъ» рассказывать. И все это не я одинъ могу подтвердить, знали и знаютъ про это и «богомольцы», приходившіе сюда съ разныхъ сторонъ послушать «симеоновское служеніе». Недаромъ же и говорятъ про сей храмъ: «тутъ не разберешь, гдѣ находишься, не то у единовѣрцевъ, не то у великороссійскихъ». Все смѣшалось—и служба и обряды!..

Особенно знали «всѣ продѣлки» слѣпой нищій *Матвѣй*. Какъ тамошній старожилъ онъ много рассказывалъ про Симеоновскую службу. Да, еслибъ все описывать, что въ разное время «тутъ» происходило, то потребовалось бы дѣлать новое «изданіе» только для этого храма!

Къ счастью въ Маѣ мѣсяцѣ о. Дмитрія не стало, на его мѣсто назначили «другаго», съ послѣднимъ еще можно было дѣло поправить. Но, вотъ вновь искушеніе,—попалъ новый діаконъ, который былъ тоже охотникъ до «поскорѣе».

Не знаю, какъ идетъ служба теперь.

Не шла бы служба у насъ «по разному», не угнетались бы вѣрные служаки, хотя и низнаго клира, не пренебрегался бы и церковный уставъ святыхъ отецъ, если бы...

А сколько другихъ нуждъ ждетъ своего «Кормчаго», сколь всего переживается съ трудомъ непосильнымъ, за послѣднее время все обострилось. Не можетъ пройти незамѣченнымъ и Петербургскій случай—при погребеніи, описанный въ 12-мъ номерѣ «Глаголъ временъ». Какъ то не вѣ-

рится, что это у единовѣрцевъ въ храмѣ. Невольно спрашиваешь: «да отчего же это, отчего такъ вышло?»... Но одинъ отвѣтъ: «отъ того, что нѣтъ своего близкаго по сердцу Кормчаго!»

Братіе!.. Будемъ дружно молить, да услышитъ Богъ насъ въ день печали... Да дастъ намъ... по сердцу нашему и весь совѣтъ нашъ да исполнитъ (Пс. 19-й).

Діаконъ Іоаннъ Бороздинъ.

Извѣстія и замѣтки.

Призывы духовенства къ самоисправленію.

Если о русскомъ епархіальномъ духовенствѣ судить по тѣмъ духовнымъ авторамъ, которые пишутъ въ епархіальныхъ изданіяхъ, то нужно будетъ признать, что наше пастырство, въ значительной части, склонно видѣть первую причину многихъ теперешнихъ религіозно-нравственныхъ, какъ и церковныхъ нестроений въ самомъ пастырствѣ, такъ что нѣтъ основаній думать, что помѣщаемыя здѣсь замѣчанія мірянина касаются по сознанію духовенства лишь нѣкоторыхъ, весьма немногихъ его членовъ. Времена измѣнчивы. 1907 годъ мало походитъ на 1888 годъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРАВОСЛАВНАГО МІРЯНИНА. Сказано въ Словѣ Божіемъ: *Проклятъ всякъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ!*

Не смотря на то, по временамъ случается видѣть творящихъ дѣло Господне съ небреженіемъ, которое въ однихъ изъ мірянъ раждаетъ охлажденіе къ святынѣ, а въ другихъ возбуждаетъ горестное чувство. Не вѣрится, чтобы это дѣлалось изъ пренебреженія къ дѣлу Господню, а должно полагать, что это происходитъ только отъ недостатка вниманія и отъ привычки; поэтому полагаю неизлишнимъ указать на нѣкоторыя неблагоприятныя дѣйствія Священно и Церковнослужителей во время Богослуженія, которыми міряне соблазняются.

1) Оскорбительно для благоговѣйнаго чувства Православнаго Христіанина видѣть неблагоговѣйное употребленіе, по окончаніи Литургіи, Святыхъ даровъ на жертвенникѣ Священникомъ или Діакономъ, которые иногда отходятъ отъ своего мѣста, не довершивъ святаго дѣла; принимаютъ Тѣло и Кровь Христову, и вмѣстѣ съ тѣмъ разговариваютъ, какъ будто бы они обращались съ самою обыкновенною вещію... Часто, когда Священникъ или Діаконъ исполняетъ это священное дѣйствіе, къ нему приступаютъ съ какимъ-либо пустымъ вопросомъ или клирикъ, или кто иной изъ присутствующихъ, и тотъ, вкушая изъ чаши, устами, исполненными Божественной пищи, неблагоговѣйно отвѣчаетъ, забывая, что совершаетъ онъ въ эту страшную минуту.

2) Другое нарушеніе благочинія церковнаго, хотя и меньшей важности, есть непрестанная бесѣда самихъ священнослужителей, иногда даже и шутки и неосторожное харканье внутри Алтаря, даже около самого Престола, потому что они привыкли къ святилищу, какъ бы къ своему домашнему покою, а потому и позволяютъ себѣ въ ономъ многія вольности, забывая, что предстоитъ Алтарю Господню. Неблагоговѣйно прикасаются къ Престолу и проходятъ безъ облаченія, и безъ всякой нужды и вниманія, между нимъ и царскими вратами, и даже на этомъ священномъ мѣстѣ позволяютъ себѣ

безъ всякой осторожности харкать во время Богослуженія. Какъ не позаботиться о томъ, чтобы прекратить сіи неблагоговѣйныя бесѣды и поступки внутри святилища!

3) Причетники также не оказываютъ подобающаго благоговѣнія къ св. Престолу. Особенно въ сѣверной столицѣ они уступили права свои наемнымъ сторожамъ, и оставные солдаты безъ всякой нужды заступаютъ ихъ должность, прислуживая въ Алтарѣ и зажигая свѣчи на Престолѣ, когда сами причетники стоятъ тутъ же въ стихаряхъ, вложивъ въ карманы руки, и равнодушно смотрятъ на такое нарушеніе церковнаго благочинія. Когда чаша, еще исполненная Божественныхъ Даровъ, стоитъ на жертвенникѣ, солдаты и сторожа позволяютъ себѣ распорядиться около нея и неосвященными руками брать подлѣ антидоръ для раздачи мірянамъ. Тяжело смотрѣть на это со стороны, но священнослужители, кажется, не обращаютъ на это вниманія, какъ будто это для нихъ дѣло самое обыкновенное.

4) Нельзя опустить безъ вниманія и того обстоятельства, которое можетъ показаться маловажнымъ въ сравненіи съ предыдущими, что большею частію въ церквахъ временемъ сбора кружечнаго избирается самая священная минута литургіи—освященіе Даровъ. Тогда раздается по всей Церкви стукъ денегъ, заглушающихъ слова священнодѣйствія, и молящіяся развлекаются идущими мимо ихъ съ кружками. Неужели нельзя пайти болѣе умѣстнаго времени для сборовъ въ продолженіи первой части литургіи? Оскорбительнъ также для слуха стукъ грошей въ Алтарѣ у самаго Жертвенника, которые считаютъ дьячки и сторожа, иногда до самой Херувимской пѣсни, когда много бываетъ просфоръ. И для чего это?..

5) Не хорошо и то, когда Священники, при соборномъ служеніи предстоя Престолу Божию съ правой и лѣвой стороны его, равно какъ и Діаконы, озираются на предстоящихъ въ Церкви, и тѣмъ самымъ, обнаруживая въ себѣ совершенно неумѣстную разсѣянность, развлекаютъ и другихъ.

6) Не должно умолчать и о томъ, что особенно оскорбляетъ при умиленномъ обрядѣ погребенія. Въ ту самую минуту, когда Духовникъ начинаетъ читать разрѣшительную молитву надъ усопшимъ, призывающую всѣхъ молиться о душѣ его и прощать ему братски всѣ его согрѣшенія, начинается шумъ и движеніе въ Церкви, такъ что никто не слышитъ и даже многіе не знаютъ сей молитвы. Это происходитъ отъ того, что въ эту минуту всѣ гасятъ свѣчи, и сторожа ходятъ по всей Церкви собирать ихъ, раздвигая толпу народную. Что стоило бы подождать одну только минуту, чтобы дать благоговѣнно выслушать разрѣшительную молитву? Несвоевременная бѣготня по церкви клириковъ и сторожей безъ всякой нужды кругомъ Престола, неумѣстное гашеніе свѣчъ для мелкаго прибитка и проч.—все это не должно ускользнуть отъ взора настоятеля храма и Благочиннаго.

7) Не пріятное впечатлѣніе производятъ священнослужители и въ духовныхъ процессіяхъ внѣ храма, когда, разговаривая между собою во время шествія, смѣются и тѣмъ обнаруживаютъ недостатокъ благоговѣнія и благоприличія и совершенное забвеніе о значеніи этихъ процессій и т. д.

